

политэкономии, усматривала в работниках «трудовой люд», «производительные классы», о положении которых временами говорилось с оттенком сентиментальности. Юристы XVI в. были далеки от таких слабостей. Они во всем, что касается общественных отношений, — прежде всего «реалисты»: они ищут форм, адекватных сущности вещей.

«Доктора права» XVI в. и в том числе авторы анализируемых здесь юридических трактатов предпочитают называть вещи своими именами, и разумеется, что самыми точными в их глазах являются термины юридические. О слугах «лично свободных» они пишут как о сервах, т. е. точно так же, как и о феодально-зависимых земледельцах. «Свободные» челядинцы — зависимые крестьяне — сервы — такова единая цепь состояний, юридические рамки для единого сословия зависимых людей. «Серв — свободный человек, — определял Бонакосса, — который вследствие нужды не может себя обеспечить (*non est per se sufficiens*) и поэтому вынужден идти в услужение»⁹. Таким образом, в отличие от лицемерного буржуазного права, средневековое правосознание определяло антагонистические классы — работодателей и работников — в качестве столь же противоположных юридически фиксированных сословий: «свободных» и «рабов», «господ» и «людей чужого права», работающих под присмотром¹⁰.

Итак, XVI век — жестокий, безжалостный век; христианская мораль забылась, новое лицемерие и сентиментальность еще не народились; протестантизм предоставлял верующего собственной судьбе, а абсолютизм как бы возрождал всеобщее холопство в государственном масштабе. Поистине трудно было бы отыскать время, более благоприятное для различного рода законодательного прожектерства в интересах господствующего класса. Характерно, что доктора права выступают в своих трактатах не только в роли комментаторов, историков, философов, апологетов права вообще и римского права — в особенности, но и в качестве прямых кодификаторов нового права, предпринимая попытку изложить его в систематическом порядке в виде параграфов писанного (положительного) закона. Трактаты Бонакоссы и Гусануса — знамение этого времени. Таким образом, кельнский издатель уловил важный момент в социальных тенденциях и в особенности в запросах аристократии того времени. Он решил объединить работы двух выдающихся юристов в одном издании, создав тем самым нечто вроде руководства по «рабочему вопросу» в широком смысле этого слова.

И современный историк должен быть ему чрезвычайно благодарен за его остроумный замысел — а именно за сопоставление в одном томе *двух работ*, выхваченных из множества других и отражающих условия жизни и тенденции развития таких, казалось бы, несхожих по историческим судьбам стран, как Германия и Италия.

⁹ «Tractatus...», р. 1.

¹⁰ Истолкование понятия «*homines alieni Juris*» столь неопределенно, что позволяет рассматривать в качестве таковых всех, лишенных юридически признанной собственности. См. «Tractatus...», р. 141, сар. 36.